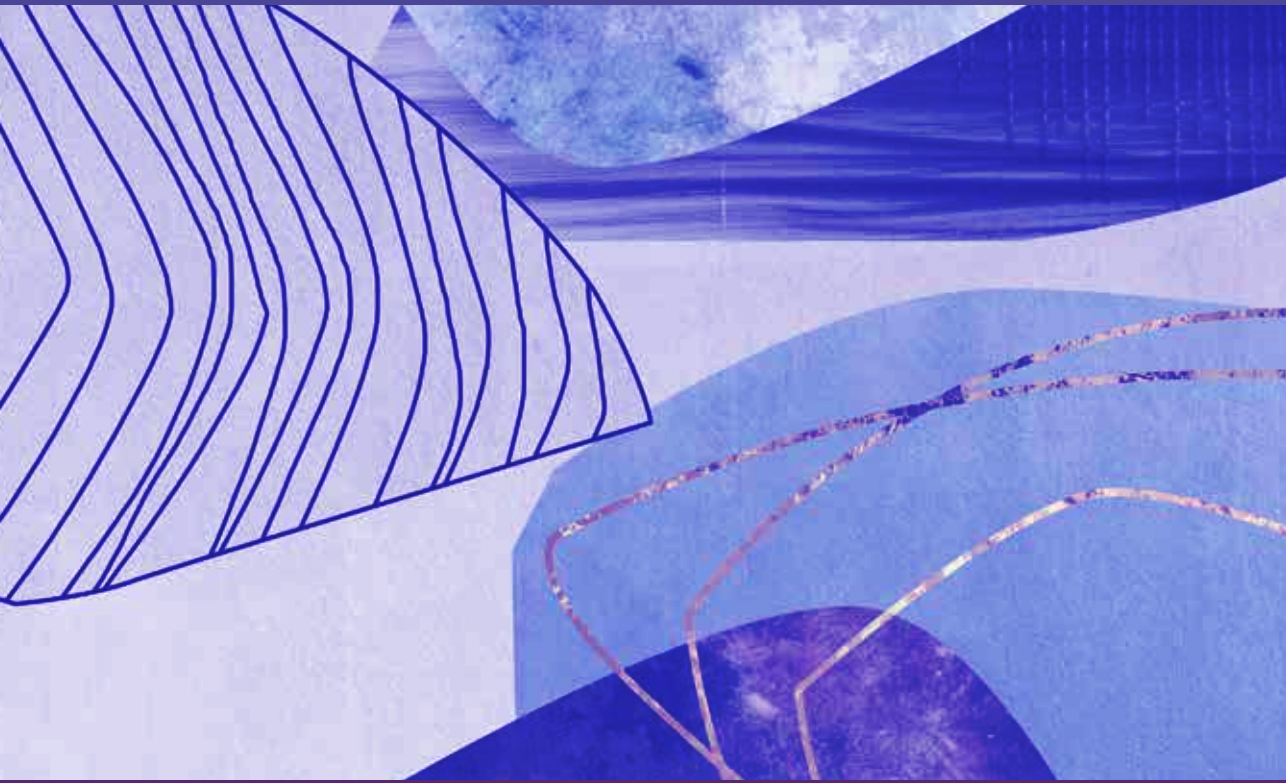

nr 4(25)/2025

ISSN 2391-5137

Językoznawstwo

Współczesne badania, problemy i analizy językoznawcze

Akademia Humanistyczno-Ekonomiczna w Łodzi

Komitet redakcyjny

prof. nadzw. dr hab. Krzysztof Kusal (redaktor naczelny)

prof. nadzw. dr hab. Joanna Satola-Staškowiak (z-ca redaktora naczelnego)

Redaktorzy tematyczni

prof. nadzw. dr hab. Krzysztof Kusal, dr Anna Fadecka, dr Olga Majchrzak

Redaktorzy językowi

Anna Fadecka (jęz. polski), Michael Fleming (jęz. angielski), Wiesław Przybyła (jęz. francuski), Radosław Lis (jęz. niemiecki), Irina Kabyszewa (jęz. rosyjski)

Rada Naukowa

prof. dr hab. Diana Blagoeva (Instytut Języka Bułgarskiego, Bułgarska Akademia Nauk, Bułgaria)

prof. dr hab. Grażyna Habrajska (Uniwersytet Łódzki)

prof. dr hab. Eugene Ivanov (Mohylev State A. Kuleshov University, Białoruś)

dr Anna Kisiel (KU Leuven, Belgia)

prof. dr hab. Siya Kolkovska (Instytut Języka Bułgarskiego, Bułgarska Akademia Nauk, Bułgaria)

dr Beata Nawrot-Lis (Uniwersytet Radomski im. Kazimierza Pułaskiego)

prof. nadzw. dr hab. Julia Mazurkiewicz-Sułkowska (Uniwersytet Łódzki)

prof. dr hab. Wolfgang Mieder (University of Vermont, USA)

prof. dr hab. Jan Miodek (Uniwersytet Wrocławski)

prof. dr hab. Valerij Mokienko (Petersburski Uniwersytet Państwowy, Rosja)

prof. dr hab. Tatiana Shkapenko (Bałtycki Uniwersytet Federalny im. E. Kanta, Rosja)

prof. nadzw. dr hab. Andrzej Sitarski (UAM w Poznaniu)

dr hab. Dalibor Sokolović (Uniwersytet Belgradzki, Serbia)

dr Slávka Tomaščíková (Uniwersytet Pavla Jozefa Šafárika w Koszycach, Słowacja)

prof. dr hab. Harry Walter (Universität Greifswald, Niemcy)

prof. dr hab. Włodzimierz Wysoczański (Uniwersytet Wrocławski)

Redaktorzy naukowemu numeru

prof. nadzw. dr hab. Krzysztof Kusal

Recenzenci numeru

prof. dr hab. Gintautas Kundrotas (Vytautas Magnus University, Litwa)

prof. dr hab. Andrey Zaynuldinov (University of Barcelona, Hiszpania)

dr Dorota Drużyłowska (Uniwersytet Wrocławski)

dr Agata Piasecka (Uniwersytet Łódzki)

Redakcja „Językoznawstwa” Akademia Humanistyczno-Ekonomiczna w Łodzi

Katedra Komunikacji Językowej

90-212 Łódź, ul. Sterlinga 26, pok. K315

e-mail: jezykoznawstwo@ahelodz.pl, tel. 42 29 95 676

www.jezykoznawstwo.ahelodz.pl

© Copyright by Akademia Humanistyczno-Ekonomiczna w Łodzi

Łódź 2025

ISSN 1897-0389 e-ISSN 2391-5137

Wersją podstawową jest wersja drukowana. Numeracja stron zgodna z wydaniem papierowym.

Skład DTP Monika Poradecka

Druk i oprawa SOWA – Druk na życzenie

Wydawnictwo Akademii Humanistyczno-Ekonomicznej w Łodzi

90-212 Łódź, ul. Sterlinga 26, tel. 42 63 15 908

e-mail: wydawnictwo@ahelodz.pl

www.wydawnictwo.ahelodz.pl

Spis treści

Aleksander Juszczyński Fonologiczna innowacja w średniowiecznej Islandii. Pierwsza rozprawa gramatyczna jako prekursorski opis systemu dźwiękowego języka	7
Łukasz Stolarski Positions of Polish phonemic vowels in the IPA Vowel Diagram estimated using neural networks trained on Cardinal Vowel Productions	23
Piotr A. Owsieński Felder der verbalen Aggression und Wortbildungspotenzial in der Kommunikation von Lehrerinnen mit deren Schülern in der Zeichentrickserei <i>Wiatcy Móch</i> (2006–2011)	35
Jakub Sroka <i>Nalot! Przygotować się na „udziwienie”!</i> – o komendach i ostrzeżeniach występujących w mowie obozowej używanej na Majdanku	51
Agnieszka Kijak Subiektywnie–pozytywnie o psie (na podstawie wypowiedzi respondentów – miłośników i sympatyków czworonogów)	65
Bartosz Warzycki F. Scott Fitzgerald’s unwanted child: A functionalist perspective on the Polish translation of <i>The Curious Case of Benjamin Button</i>	83
Agnieszka Pietrzak Człowiek versus maszyna. Tłumaczenie maszynowe jako narzędzie pracy tłumacza tekstów specjalistycznych	99
Mikhail Khmelevskii, Aleksandr Savchenko Балто-славянские параллели на материале фразеологизмов с компонентом «черт»	111
Anastasia Bezuglaya Образ российской провинции на примере кинотекста «Чики» (анализ вербального компонента)	125
Paulina Kłos-Czerwińska Sign and meaning: A pragmatic intervention	143

Alireza Mahmoodi	
Bi-uniqueness violation in Old and Modern English personal pronouns: How and by which pronouns?	155
Agnieszka Świątek	
Poprawność językowo-stylistyczna artykułów internetowych o tematyce biznesowej	165
Katarzyna Burska	
Wartościowanie piłkarzy i ich gry (na przykładzie ocen po meczach reprezentacji Polski)	177

List of Contents

Aleksander Juszczyński	
Phonological innovation in medieval Iceland: The first grammatical treatise as a pioneering description of the language's sound system	7
Łukasz Stolarski	
Positions of Polish phonemic vowels in the IPA Vowel Diagram estimated using neural networks trained on Cardinal Vowel Productions	23
Piotr A. Owskiński	
Areas of verbal aggression and the potential of word formation in teachers' communication with students in the animated series <i>Włatcy Móch</i> (2006–2011)	35
Jakub Sroka	
<i>Nalot! Przygotować się na „udziwienie”!</i> – about commands and warnings found in the camp language used at Majdanek	51
Agnieszka Kijak	
Subjectively–positive about dogs (based on the statements of respondents – lovers and supporters of four-legged friends)	65
Bartosz Warzycki	
F. Scott Fitzgerald's unwanted child: A functionalist perspective on the Polish translation of <i>The Curious Case of Benjamin Button</i>	83
Agnieszka Pietrzak	
Human versus machine: machine translation as a tool in the work of a specialist translator	99
Mikhail Khmelevskii, Aleksandr Savchenko	
Balto-Slavic parallels of the phraseological units with the component 'chert' (<i>devil</i>)	111
Anastasia Bezuglaya	
The image of the Russian province in the film text “Chiki”: A case study of verbal expression	125
Paulina Kłos-Czerwińska	
Sign and meaning: A pragmatic intervention	143

Alireza Mahmoodi	
Bi-uniqueness violation in Old and Modern English personal pronouns: How and by which pronouns?	155
Agnieszka Świątek	
Linguistic and stylistic correctness of online articles on business topics	165
Katarzyna Burska	
Evaluating football players and their performance (based on post-match ratings of the Polish national team)	177

Mikhail Khmelevskii <https://orcid.org/0000-0002-1980-5453>
St. Petersburg State University
e-mail: chmelevskij@mail.ru

Aleksandr Savchenko <https://orcid.org/0000-0002-4337-9925>
National Chengchi University
e-mail: savchenko75@mail.ru

Балто-славянские параллели на материале фразеологизмов с компонентом «*черт*»

Balto-Slavic parallels of the phraseological units with the component 'chert' (*devil*)

Аннотация

В статье анализируется культурологический и этимологический концепт лексемы *черт* в историко-лингвокультурологическом и семантико-прагматическом аспектах на материале балтийских (литовский, латышский) языков с их аналогами в славянских языках. В работе приводятся основные характеристики и особенности ее употребления, прежде всего, во фразеологически устойчивых сочетаниях, особое внимание уделяется вопросам межязыковой эквивалентности. Этимология лексемы *черт* и ее употребления во фразеологии в очередной раз доказывают факт культурной и языковой близости балтийских и славянских языков как результат древнего периода балто-славянского единства. Благодаря привлечению богатого языкового материала балтийских языков сегодня можно открыть семантическую глубину внутренней формы общеславянской лексики, утратившей свою исконную мотивировку, в частности, метафорические модели фразеологизации и образности. На примере фразеологизмов с компонентом *черт* в статье рассматривается общий вопрос балто-славянских параллелей.

Ключевые слова: литовский язык, латышский язык, славянские языки, фразеологизмы, концепт «черт», балто-славянская языковая общность

Abstract

The article analyses the lexeme *чепт* (*devil*) in a historical, linguistic, cultural, semantic and pragmatic way: the main characteristics and features of its use, primarily in stable combinations, phraseological units – in Slavic and Baltic (Lithuanian, Latvian) languages. The etymology, semantic features, functional and pragmatic characteristics of such idioms once again prove the fact of the cultural and linguistic unit of the Baltic and Slavic ethnos in the most ancient period of the Balto-Slavic coexistence. It is thanks to the Baltic languages that today it is possible to “reveal” to some extent the etymology and specifics of the internal form, the basis of the metaphorical model of phraseological units with a component *чепт* in modern Slavic languages, some specific examples of which are given in the proposed study.

Keywords: Lithuanian language, Latvian language, Slavic languages, phraseological units, the concept “*chert* (*devil*)”, the Balto-Slavic Linguistic Community

На сегодняшний день уже неоспоримым является факт существования в определенном исторический период балто-славянского языкового единства – до середины второго тысячелетия до н.э., после чего происходит постепенный этнический и языковой процесс дивергенции, т.е. разделение на балтийские и славянские языки (Лер-Сплавинский, 1958: 98). Так, анализируя различные научные подходы к данному вопросу, опираясь, в частности, на исследования балтиста-слависта В.Н. Топорова, точки зрения которого мы придерживаемся, а также наши многолетние исследования в данной области, мы можем заключить, что балтийская модель, как таковая, является прототипом праславянского языка, который образовался из периферийных балтийских диалектов (Топоров, 1985а: 21.; Биринбаум, 1985: 36; Klimas, 1995; Вимер, 2007: 31–35). Интерес славистов к балтийскому материалу обуславливается тем, что, в первую очередь, литовский во многом сохранил то состояние языка до балто-славянской дивергенции, которое впоследствии в ходе своего развития значительно преобразовалась в славянских языках, утратив связи с исконными праславянскими корнями не только на фонетическом, но также и на лексическом уровнях.

Подтверждением гипотез вышеупомянутых лингвистов, на мнения и выводы которых мы в основном опираемся, можно считать два научно-теоретически и практически обоснованных постулата. Во-первых, это классическое привлечение балтийского языкового материала для сравнительно-исторического славянского языкознания на фонетическом и этимологическом уровнях (классический пример здесь: лит. *kaina* – славянская палатализация *цена* (ср. *каяться* – исконно ‘совершать кровную месть, расплачиваться’), лит. *piešti* – ‘рисовать’ и славянская лексема *писать*, т.е. наносить на белое полотно цвета и рисунки иного цвета (ср. однокоренное русск. *пестрый*), лит. *gyvas* – славянское *живой*, *жизнь*, лит. *širdis* – славянская фонетическая форма *сердце*, лит. *pirštas* и русск. *перст*, лит. *kunigas* – в славянской фонетической трансформации *князь*, лит. *kelė* – ‘дорога’ и чешск., словацк. *cesta*, лит. *gražus* – ‘красивый’ (ср. польское женское имя *Grażyna*) и многие другие.

Во-вторых, в этой связи необходимо также подчеркнуть важность привлечения языкового материала балтийских языков для прояснения исконной утраченной мотивировки славянских слов, таких как, например: *рука* – лит. *ranka* от глагола *rinkti* – ‘брать, собирать’, *заяц* – лит. *zuikis* мотивированное глаголом *žaiisti* – ‘играть, скакать’, рус. *невеста* – лит. *naujas* ‘новый’ и *vesti* – ‘вести’, т.е. букв. ‘новоприведенная (в дом)’, лит. *gelė* – ‘цветок’ и рус. *зеленый*, лит. *kilti* – ‘поднимать’ и *vaikas* – ‘ребенок’ – в славянских языках, например, в русском *человек*, букв. «взрослый», славянские варианты лексемы *муж* и лит. *mintis* – ‘мысль’, т.е. «думающий», лит. *baisus* – ‘страшный, ужасный’ и аналогичный корень в русском и других славянских языках *бес*, лит. *qžuolas* – ‘дуб’ и русск. *желудь* и т.п. (Хмелевский, Кузнецова, 2023: 1294).

Не последнюю роль балтийский материал играет для прояснения этимологии многих славянских фразеологизмов – благодаря древней образности, мифологии и символике, которые застыли в балтийских устойчивых единицах, но были утрачены славянскими языками, как например: *комар носа не подточит, как кот наплакал, в тихом омуте черти водятся, задать жару, затопить баню, черная кошка дорогу перебежала* и многие другие. О важности сопоставительного изучения пословиц и поговорок говорит одна из основоположниц латышской паремиологии Э.Я. Кокаре: «Паремии являются одним из тех жанров фольклора, для которых характерен очень высокий удельный вес интернациональных элементов. Изучать паремии каждого народа изолированно, не принимая во внимание параллели в фольклоре других народов, означало бы описывать только поверхностную сторону этих специфических явлений культуры, не затрагивая их сущности» (Кокаре, 1978: 2).

Именно последний постулат, заявленный в предыдущем абзаце, проанализируем на фразеологических примерах с компонентом «*черт*» из литовского и латышского языков с параллелями из славянских.

Итак, литовское *velnias*, лат. *velns* – ‘черт’ восходит к праиндоевропейскому корню **uel/uol*, встречающемуся в терминологии, связанной со смертью и похоронами: лит. *velionis* – ‘умерший предок’, лат. *vēļi, velanieši* – ‘призраки мертвых, божество смерти’, а также ‘видеть, предвидеть будущее’, поэтому в литовской мифологии его часто связывают с провидцами (Топоров, 1985б: 12). Также корень **uel/uol* в балтийской топонимии больше всего связан с болотами, торфяниками, ямами, лугами, озерами и реками, поскольку местом проживания черта в древних общеславянских представлениях являлись водоемы, как, например река Вильня, от названия которой произошло наименование столицы Литвы – Вильнюс (ср. рус. *в тихом омуте черти водятся*, название квартала с совсем узкими улочками в Праге – *Čertovka*, стоящего на воде, точнее на притоке реки Влтавы, название которой восходит к индоевропейскому корню **wilt-aha* – ‘дикая река’) (Гимбтас, 1974: 89–91). Деревья, растущие в темных сырых местах, такие как ольха, ель, осина, болотная береза, ассоциируют с нечистым духом. Для ельников и ольшаников характерны сумерки, сырость, сильный земляной и гнилостный запах. Однако *черт* имеет отношение и к дубу, но в другом ключе: по древним представлениям, отраженным в балтийском фольклоре и мифологии, черти поселялись в дуплах старых

дубов (Dřizule, 1988: 77) (ср. древнеславянский образ, проявляющийся в результате сопоставления с балтийским фольклором в выражении *дуб-колдун / дубы-колдуны*).

Как мы видим, в балтийских языках мотивировка этой лексемы не утрачена, в отличие от западно- в восточнославянского слова *черт*. Этимологию помогает прояснить литовский язык, где славянская лексема возводится к корню *ker-*: например, в глаголе *kerėti* – ‘заклинать, колдовать, ворожить, предсказывать’ (поэтому нередко образ балтийского черта в фольклоре выступает в качестве предсказателя), *įkyrėti* – ‘поражаться, удивляться от страха’ (Фасмер, 2009, т. 4: 307).

В этой же связи следует привести и некоторые мотивированные лексемы, обозначающие черта в других славянских языках, где их образность полностью совпадает с приведенной этимологической трактовкой. Так, в сербском и более частотно в хорватском употребляется лексема *vrag* исключительно в значении «черт», по созвучию омонимичная другим славянским языкам, поскольку она образована от глагола *vražiti / vračati* – ‘колдовать, ворожить, предсказывать, заниматься знахарством’ (ср. польск. *wróżyć, wróżka*, рус. *ворожить*, укр. *ворожити*).

Любопытна также народная трактовка чешской лексемы *čert* в «Этимологическом словаре чешского языка» В. Махека, где сказано, что она связана с травянистым растением *сивец луговой* (чеш. *Čertkus luční*, лат. *Succisa pratensis*): «черт знает великую силу этой травы и не хочет, чтобы она доставалась людям. Как только она вырастает, он тут же откусывает самый большой корень» (Machek, 1957: 99).

Образная мотивировка связи образа черта с растениями проявляется и в украинском, где помимо *чорт*, употребляется слово *дідько* в значении ‘мифологический персонаж, способный общаться с умершими предками’. Сравним русское выражение *в огороде бузина, а в Киеве дядька*, которое из-за той же межславянской омонимии воспринимается как каламбур, тогда как в украинском языковом контексте оно имеет вполне конкретную вербальную, знаковую семантику: *на городі бузина, а у Києві дідько*. Бузина всегда ассоциировалась с местом проживания нечистой силы, чертят, которые, по поверьям, водились в ее зарослях, таким образом истолковать это выражение можно как «в селе маленькие проблемы (в виде чертят, которые живут в бузине), а в большом далеком (столичном) Киеве – большие (т.е. там живет главный черт); не жалуйся на то, что столкнешься с еще большими тяготами в жизни» (Савченко, Хмелевский, 2022: 243).

Для наименования черта как в славянских, так и в балтийских языках широко употребляются и эвфемизмы, которые также раскрывают представления о его внешнем виде, месте жительства, роде деятельности: рус. *нечистый, лукавый, окаянный*, укр. *лихий* – ‘злой, дурной’, *куцак* – ‘недоросль, недоросток’, *анциболот* – ‘главный болотный черт’, *vrag* (ср. хорв. *vrag*), чеш. *rohátý* – ‘рогатый’, *zlý duch* – описат. ‘злой дух’, *nedobry* – ‘нехороший’, словацк. *parom, do paroma*, польск. *do pieruna* (по происхождению от имени языческого бога-громовержца Перуна), лит. *Izgiosios* – ‘намалеванный’ (ср. рус. *не так страшен черт, как его малюют*), *baisūnas* – ‘страшило’ (от *baimė* – ‘страх’, *baisus* – ‘страшный, пугающий’, что в славянской фонетике преобразовалось в форму *бес*, утратив в дальнейшем свою

мотивировку), лат. *jods* – ‘черный’¹. Любопытна в рассматриваемом семантическом контексте прозрачно мотивированная лексема в словенском языке и кайкавских говорах хорватского для обозначения черта – *hudič* от прилагательного *hud* – букв. ‘плохой, злой’ (Хмелевский, Кузнецова, 2023: 1295).

Рассмотрим в сопоставительном плане балто-славянские фразеологические единицы с компонентом «черт». Для наглядности приведем собранный нами материал в виде таблицы, распределив его на полные, частичные, относительные эквиваленты, а затем проанализируем наиболее показательные из них. Все они дают представление древнего человека периода балто-славянского единства о внешности черта, местах его проживания, роде деятельности и т.п., которые представляют возможность сопоставить эти представления у славян и балтов.

Для наглядности и удобства были составлены таблицы с выявленными нами полными, частичными и относительными эквивалентами в трех языках.

Таб. 1. Полные эквиваленты

Латышский	Литовский	Дословный перевод	Русский
atdot velnam dvēseli	dūšiā atiduoti velniui	отдать душу черту	продать душу черту
iet pie velna	velniop eiti	идти к черту	идти к черту
jūpis neraus	velnias / velniai negriebs (nerinks)	черт / черти не возьмет	черт не возьмет
kāda velna	kurių velnių	какого черта	какого черта
kāds velns	kuris velnias	какой черт	какой черт
	nei Dievui žvakė, nei velniui kačerga	ни богу свечка, ни черту кочерга	ни богу свечка, ни черту кочерга
ne velna	nė velnio	ни черта	ни черта
velns zina	velniai žino	черт знает/ черти знают	черт знает
	velnias atnešė	черт принес	черти принесли
pārdot dvēseli velnam	parduoti (savo) sielą velniui	продать (свою) душу черту	продать душу черту
velna ducis	velnio tuzinas	чертова дюжина	чертова дюжина

Источник: Lava, Veinberga, Ezeriņa, 2000: 92–94; Paulauskas, 2001: 809–825; Шведова, 2009: 46;

Турлаева, Хмелевский, 2022: 125–128.

¹ В настоящей работе мы не рассматриваем лексемы, вошедшие в балто-славянские языки с принятием христианства, пришедшие из европейских языков, как, например, *дьявол*, *самана* (польск. *diabel*, чешск. *dábel*, сербск. *ђаво*) и т.п. Далее для сопоставительного анализа мы используем только фразеологизмы с основным компонентом данной лексической группы: рус. *черт*, лит. *velnias* лат. *velns*.

Таб. 2. Частичные эквиваленты

Латышский	Буквальный перевод	Литовский	Буквальный перевод	Русский
kāds velns / nelabais] dīda	какой черт / нечистый дернул			черт меня (тебя, вас, нас, его) дернул / взял
kad tevi velns / nelabais	чтоб тебя черт / нечистый			черт бы тебя (вас, его...) / съел/
kā velna apsēsts	как чертом одержимый	velnias apsēdo	черт вселился	как черт вселился
kā velns no krusta	как черт от креста	kaip velnias (nuo) kryžiaus (švęsto vandens)	как черт (от) креста (святую воду)	как черт (от) ладана / креста
nebaidīties (ne-bīties) ne no paša velna	не бояться самого черта			не бояться ни чертей, ни ксендзов
nederēt ne velnam	не годиться ни к черту			ни к черту
ne pats velns; neviens velns	не сам черт; ни один черт			никакой черт
skriet velnam rīklē	бежать к черту в глотку			лезть к черту в зубы (на рога)
sūtīt (pasūtīt) pie velna	слать (послать) к черту			посылать ко всем чертям
velna puika	чертов мальчик	velnio mažvaikis	чертов ребенок	
velns lai parauj	чтоб черт взял	velnias griebtų	черт бы взял	черт возьми / побери
		velniukai laksto akyse	чертики бегают в глазах	чертики прыгают в глазах

Источник: Lava, Veinberga, Ezeriņa, 2000: 92–94; Paulauskas, 2001: 809–825; Шведова, 2009: 46; Турлаева, Хмелевский, 2022: 125–128.

Таб. 3. Относительные эквиваленты

Латышский	Буквальный перевод	Литовский	Буквальный перевод	Русский
atdot velnam dvēseli	отдать душу черту			черт взял кого
kā velns ar vējlukturi	как черт с фонарем	kaip velnias iš rupų	как черт из боз бов	как черт / чертик из коробочки (табакерки, рукомойника, бутылки)
kā velns pa dakstiņiem	как черт по черепице	kaip iš velnio rago	как из чертова рога	как черт / чертик из коробочки (табакерки, рукомойника, бутылки)
nederēt ne velnam	не годиться ни к черту	pirmas velnias	первый черт	ни к черту (никакой)
velna ģīmis	чертово лицо	velnias kūlė pupas	черт молотил бобы	черт на лице в свайку играл
		velnių kaustytas	чертями подкованный	хоть черта / сто чертей проведет

Источник: Lava, Veinberga, Ezeriņa, 2000: 92–94; Paulauskas, 2001: 809–825; Шведова, 2009: 46; Турлаева, Хмелевский, 2022: 125–128.

Прокомментируем наиболее иллюстративные примеры из приведенной таблицы.

- **Идти к черту**, лат. (*Aiz*)iet pie velna (*joda*) – букв. ‘идти/пойти к черту / к черному; лит.: *velniop eiti* – ‘пойти к черту’ – 1) испортиться, прийти в негодность, полностью разрушиться; 2) ругаться, разрывать отношения с кем-либо (Шведова, 2009: 40–41).

В большинстве случаев данный фразеологизм употребляется в форме повелительного наклонения и является пейоративной конструкцией. Подчеркнем, что для грамматики русского языка характерно использование прошедшего времени в качестве формы повелительного наклонения (рус. *иди / пошел к черту!*; укр. *ходи до чорта / біса / дідька!*, серб., хорв. *idi do vraga!*; словенск. *do hudiča*).

Фразеологизм можно отнести к как фразеологическим сращениям. По структуре латышский и русский фразеологизмы полностью совпадают, за исключением падежей, управляющих предлогом.

В семантическом плане фразеологизмы абсолютно идентичны. Во-первых, они используются в качестве негативной оценки человека или его действий, выражают неприятие, недовольство, раздражение, злость. Желание человека отправить

своего оппонента к черту означает высокую степень озлобленности и несогласия с чем-либо. Вероятно, во времена, когда слово еще не потеряло своего весьма мощного экспрессивного заряда, люди использовали данный фразеологизм только в крайних случаях, так как *черт*, несмотря на свое порой безвредное или шутовское поведение, все же представлял собой опасное для человека существо.

Во-вторых, оба выражения могут употребляться и по отношению к неодушевленным предметам, способным полностью потерять свои функции, перестать приносить пользу, вовсе исчезнуть. Балты и славяне имели одинаковое представление о предметах, приходящих в негодность. По мнению обоих народов, бесполезные и непригодные вещи безвозвратно отправлялись прямиком к нечистой силе, т.е. в небытие.

- **Продать душу черту / дьяволу**, лат.: *Pārdot (savu) dvēseli velnam*, лит. *Parduoti (savo) sielą velniui* – ‘стать окончательно грешным, грешить, совершать отвратительные поступки’ (Шведова, 2009: 69).

Обращаясь к плану содержания, можно сказать, что фразеологизмы полностью совпадают по семантике, значению и структуре. Во всех трех языках их употребляют по отношению к людям, готовым переступить любые моральные принципы ради достижения цели, часто низкой, мелочной, неблагородной. В представлении наших предков человек мог добиться исполнения любого желания при помощи черта, которому, в свою очередь, должен «заплатить, расплатиться» своей душой, т.е. обречь себя на вечные муки после смерти и не обрести покоя.

- **Как черт (от) ладана (от) креста**, лат. *kā velns no krusta*, лит.: *kaip velnias (nuo) kryžiaus/ švento vandens* ‘как черт (от) креста/святой воды’, т.е. ‘очень сильно, любыми способами, всеми силами’ (Шведова, 2009: 47).

С точки зрения лексического состава, в данном случае различаются второстепенные компоненты. Ладан является атрибутом исключительно православия, тогда как литовцы исповедуют католицизм, а латыши преимущественно лютеране. Однако все эти предметы в равной степени необходимы для христианских богослужений, а также символизируют присутствие божественного начала. Следовательно, этот фразеологизм возник после христианизации и, скорее всего, был заимствован балтами у славян в силу их более раннего принятия христианства.

- **Лезть к черту в зубы**, лат. *skriet velnam (nelabajam) rīklē* ‘бежать к черту (нечистому) в глотку’ – заведомо рисковать жизнью; предпринимать что-либо рискованное (Шведова, 2009: 56)

Русский и латышский варианты имеют различие в двух второстепенных компонентах. Во-первых, различаются глаголы: в русском фразеологизме использован более экспрессивный глагол *лезть*. Во-вторых, латыши и славяне говорят о разных частях тела черта. Что касается «глотки» и «зубов», то в этом случае отличие незначительное. В сознании древних людей злой дух мог в прямом смысле съесть человека (отсюда и русский фразеологизм *чтоб (тебя) черт съел / взял / побрал*). Говоря же о вариации русского выражения с компонентом «рога», можем предположить, что подобным действием человек мог сильно разозлить черта, тем самым навлекая на себя неприятности. В структурно-семантическом плане обе устойчивые единицы

одинаковы. С их помощью давали оценку людям, попадавшим в рискованные, опасные ситуации, причем, как подтверждают примеры, попадавшим по собственной воле, заведомо зная о негативных последствиях.

- **Как черт / чертик из коробочки (табакерки, рукомойника, бутылки)**, лат. *kā velns ar vėjlukturi* – букв. ‘как черт с фонарем’, лит. *kaip velnias iš puipų* – букв. ‘черт из бобов’, т.е. ‘внезапно, стремительно, быстро, неожиданно’ (Шведова, 2009: 46).

Семантически данные выражения абсолютно идентичны, как это и свойственно относительным эквивалентам; структура всех трех устойчивых единиц схожа: субъект (черт) совершает конкретное действие, но с разными компонентами: у литовцев это бобы, у русских – коробочка, рукомойник, табакерка, бутылка, у латышей же черт предстает (вероятно, выбегает) с ручным фонарем.

Безэквивалентные фразеологизмы

Данная группа фразеологизмов, по сути, является наиболее интересной с культурологической точки зрения, поскольку в них «застыли» и отображаются исконно балтийские представления о нечистой силе. На основании этих устойчивых единиц можно «нарисовать» тот образ черта, который до сих пор живет в сознании балтийских народов.

Следующие ФЕ отражают языческое представление о черте как о скотоводе: лит. *velnias krato kratinį* – букв. ‘черт сено для скота трясет’) в значении ‘сильно стучать, ударять, греметь, издавать громкие звуки’, лит. *velnio darželis* – букв. ‘чертов садик’ – ‘о зарослях крапивы’, лит. *velnias krauna taukais į aruodą* – букв. ‘черт нагружает жиром сарай’) в значении ‘кому-л. очень везет’ (Paulauskas, 2001: 688).

Ассоциация черта с пьянством реализуется в таких ФЕ, как лит. *velnio gerklė* – букв. ‘горло черта’, т.е. ‘пьяница’, лит. *velnio ašara/grietinė/lašai* – букв. ‘слеза/сметана/капли черта’, т.е. ‘самогон’, лит. *velnio namai* – букв. ‘дом черта’, т.е. ‘кабак, таверна’ и т.п. В этом смысле можно провести параллель с дохристианским античным Вакхом, что выражается в литовской ФЕ *visi velniai visi muzikantai* – букв. ‘все черти – все музыканты’, так говорится о человеке, критикующем всех и все вокруг (Paulauskas, 2001: 689).

С чертом у балтов также связаны антонимические представления одновременно о большом и ничтожно малом количестве либо о полном отсутствии чего-л., как и в рус.: *ни черта* и *до черта*, но с большей образностью. Приведем примеры из литовского языка: 1) ‘малое количество, отсутствие чего-л.’: *velnio ašara/kiaušinis* – букв. ‘слеза/яйцо черта’, *velnio akį (gauti)* – букв. ‘глаз черта получить’, т.е. ничего, *sūdytą velnio* – букв. ‘соленого черта’ (ср. рус. ФЕ *черта лысого!*, *черта с два, ни черта* и т.д.); 2) ‘большое количество’: *gyvas velnias* – букв. ‘живой черт’, т.е. ‘очень много чего-л.’ (причем литовское *gyvas* употреблено не в своем прямом значении, а в переносном как интенсификатор, что свойственно для литовского языка), *per velnią* – букв. ‘больше черта’ (ср. рус. *до черта*, т.е. много) (Paulauskas, 2001: 680).

С другой стороны, в русской фразеологии мы также встречаем примеры ФЕ, не имеющие аналогов в балтийских языках. Так, русский *черт* может: 1) драться: *еще черти в кулачки не дрались* – ‘очень рано’, 2) работать: *двужилый черт* – ‘о выносливом, работающем человеке’, 3) шутить: *чем черт не шутит* – говорится в неожиданной ситуации, когда может произойти все что угодно, 4) готовить: *черти заварили кашу* – ‘произошло что-то неожиданное’, 4) танцевать: *черти заплясали* – ‘развеселиться’ и т.д. (Турлаева, Хмелевский, 2022: 125).

– лат. **kā velns ar krustu (krupī, pestītāju)**, – букв. ‘как черт с крестом (спасителем, жабой)’, лит. **kaip velnias kryžiaus / kryžiumi**.

Говоря о варианте с «жабой», не представляется возможным утверждать, с чем именно ассоциировалось это животное в контексте данного фразеологизма в сознании древних балтов. Жаба – довольно неоднозначный и противоречивый символ в мировой культуре. Существует множество версий его восприятия у различных народов. С биологической точки зрения, место обитания жаб – болото (как и место обитания черта в сознании древнего человека), кроме того, они ведут ночной образ жизни, возможно этим объясняется наличие этого компонента во фразеологизме, это сближают *земноводное* – жабу – с нечистой силой: злой дух и жаба – существа из противоположных миров, и поэтому они не ладят друг с другом (Burns, 2003: 7).

– лат. **Lai velns par mazu puiku (zēnu) paliek!** – букв. ‘чтоб черт остался маленьким мальчиком!’ в общем значении: ‘непременно, несмотря ни на что, каким бы невозможным это ни казалось’ (Laua, Veinberga, Ezeriņa, 2000: 349).

В латышском фразеологизме читается антропоморфный образ черта, имеющего возрастную градацию. Сравним также, с одной стороны, лит. *velnio mažvaikis* – букв. ‘черт-ребенок, недоросль, недоросток’, т.е. шалун, баловник, ветреный человек, а с другой – лит. *su velniu vienais metais* – букв. ‘с чертом одного года’ говорится об очень старом, дряхлом человеке. С этой точки зрения анализируемый фразеологизм подразумевает неспособность черта стать достаточно умным и находчивым, подобно герою-мальчику (ср. образ черта в украинском фольклоре, отраженном в произведении Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»).

– лат. **Naudas kā velnam pelu (pelavu)** – букв. ‘денег как у черта мякины’ – в общем значении ‘очень много денег’ (Laua, Veinberga, Ezeriņa, 2000: 352).

В литовском и русском языках не были найдены эквиваленты, однако в данном анализе стоит уделить внимание русскому фразеологизму, обозначающему множество, излишек чего-либо – *до черта*. Интерес к их сравнению и сопоставлению вызван двумя факторами. Во-первых, в обоих есть компонент «черт». Во-вторых, оба обозначают большое количество, изобилие чего-либо, однако в приведенном латышском ФЕ указывается конкретный объект (деньги).

Почему именно мякина? По определению, она является отходом, непригодным в пищу человеку, но может служить кормом для домашнего скота (мякина, также полова – отброс, получающийся при молотье хозяйственных растений). Здесь можно представить две версии, по которым латыши могли связывать черта с мякиной. Первая – образ нечистого нередко ассоциировали со скотом еще в индоевропейской

мифологии. Вспомним работу В.В. Иванова и В.Н. Топорова, где говорится, что черта всегда считали пастухом, ибо подземный мир представлялся пастбищем. Поэтому вполне очевидно, почему у него может быть много мякины (Иванов, Топоров, 1980: 155). Так, данный пример не только отображает национальную специфику, но и иллюстрирует сходства и различия двух фразеологизмов, имеющих совершенно разный план выражения и схожий план содержания.

Заключение

Таким образом, отметим, что само понятие *черт* и связанные с ним представления, образы, верования, а также закрепленные за данной лексемой символические, метафорические, экспрессивные и др. значения (как в самой лексеме *черт*, так и в образных, в т.ч. перифрастических, номинациях с той же семантикой), во-первых, представляют древнейших пласт культуры большинства европейских народов, в частности, балтов и славян, дивергенция которых произошла сравнительно недавно, если сопоставлять с периодом распада индоевропейского союза.. Во-вторых, как лексический, так и в особенной степени фразео-паремиологический материал в очередной раз убеждают нас в факте о существовании некогда связи между балтийскими и славянскими культурами. При этом важно отметить, что если семантика большинства фразеологизмов и заключенных в них образов в славянских языках сегодня уже затемнена или полностью утрачена, то в балтийских языках мотивирующая основа остается вполне прозрачной и понятной их носителю.

Библиография / Bibliografiâ

Биринбаум Х. (1985), *О двух направлениях в языковом развитии*, «Вопросы языкознания», № 3, с. 36–40 / Birinbaum H. (1985), *O dvuh napravleniâm v âzykovom razvitii*, «Voprosy âzykoznanîâ», № 3, s. 36–40.

Вимер Б. (2007), *Судьбы балто-славянских гипотез и сегодняшняя контактная лингвистика*, [в:] П.М. Аркадьев (ред.), *Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы Круглого стола*, Москва: Ин-т славяноведения РАН, с. 31–35 / Vimerb. (2007), *Sud'by balto-slavânskîh gipotez i segodnâšnââ kontaktnââ lingvistika*, [v:] P.M. Arkad'ev (red.), *Areal'noe i genetičeskoe v strukture slavânskîh âzykov. Materialy Kruglogo stola*, Moskva: In-t slavânovedeniâ RAN, s. 31–35.

Гимбтас М. (1974), *The Lithuanian God Velnias*, [в:] J. Puhvel, G. James Larson, C.S. Littleton (ред.), *Myth in Indo-European Antiquity*, Oakland: University of California, с. 87–92 / Gimbtas M. (1974), *The Lithuanian God Velnias*, [v:] J. Puhvel, G. James Larson, C.S. Littleton (red.), *Myth in Indo-European Antiquity*, Oakland: University of California, s. 87–92.

Иванов В.В., Топоров В.Н. (1980), *Балтийская мифология*, [в:] С.А. Токарев (ред.), *Мифы народов мира*, Москва: Советская энциклопедия, т. 1., с. 153–158 / Ivanov V.V., Toporov V.N. (1980), *Baltijskaâ mifologiâ*, [v:] S.A. Tokarev (red.), *Mify narodov mira*, Moskva: Sovetskaâ ênciklopediâ, t. 1., s. 153–158.

Кокаре Э. (1978), *Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках*, Рига: Зинатне. / Kokare Ē. (1978), *Internacional'noue i nacional'noue v latyšških poslovicah i pogovorkah*, Rīga: Zinatne.

Лер-Сплавинский Т. (1958), *Ответ на вопрос «Существовали ли балто-славянское языковое и этническое единство и как его понимать?»*, [в:] С.Б. Бернштейн (ред.), *Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов)*, Москва: Изд-во Академии наук СССР, с. 89–101 / Ler-Splavinskij T. (1958), *Otvet na vopros «Sušestvovali li balto-slavânskoe âzykovoie i ètničeskoe edinstvo i kak ego ponimat'?»*, [v:] S.B. Bernštejn (red.), *Sbornik otvetov na voprosy po âzykoznaniiu (k IV Meždunarodnomu s"ezdu slavistov)*, Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR, s. 89–101.

Савченко А.В., Хмелевский М.С. (2022), *«В огороде бузина, а в Киеве дядько»: языковая игра или поговорка*, [в:] Е.В. Ничипорчик (ред.), *Славянская фразеология и паремология. Культурное наследие и современность. Сборник научных статей*, Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, с. 242–246 / Savčenko A.V., Hmelevskij M.S. (2022), *«V ogorode buzina, a v Kieve dâd'ko»: âzykovaâ igra ili pogovorka*, [v:] E.V. Ničiporčik (red.), *Slavânskaâ frazeologijâ i paremiologijâ. Sbornik naučnyh statej*, Gomeľ': GGU im. F. Skoriny, s. 242–246.

Топоров В.Н. (ред.) (1985а), *Языки мира. Балтийские языки*, Москва: РАН. Институт языкознания / Toporov V.N. (red.) (1985A), *Âzyki mira. Baltijskie âzyki*, Moskva: RAN. Institut âzykoznanijâ.

Топоров В.Н. (1985б), *Заметки по похоронной обрядовости*, [в:] Вяч. Вс. Иванов (ред.), *К 150-летию со дня рождения А.Н. Веселовского*, Москва: «Наука», с. 10–14 / Toporov V.N. (1985b), *Zametki po pohoronnoj obrâdovosti*, [v:] Vâč. Vs. Ivanov (red.), *K 150-letijû so dnâ roždenijâ A.N. Veselovskogo*, Moskva: «Nauka», s. 10–14.

Турлаева А., Хмелевский М.С. (2022), *Образ черта в литовской, латышской и русской фразеологии*, «Вестник ЧГПУ. Чебоксары», № 2. с. 122–127 / Turlaeva A., Hmelevskij M.S. (2022), *Obraz čerta v litovskoj, latyšskoj i russkoj frazeologii*, «Vestnikčgpu. Čeboksary», № 2, s. 122–127.

Фасмер М. (2009), *Этимологический словарь русского языка в 4 т.*, т. 4, Москва: АСТ, Астрель / Fasmer M. (2009), *Ètimologičeskij slovar'rusского âzyka v 4 t.*, т. 4, Moskva: AST, Astrel'.

Хмелевский М.С., Кузнецова И.В. (2023), *Актуальность балто-славянских лексико-фразеологических параллелей для славистики*, [в:] В.П. Казаков (ред.), *LI Международная филологическая конференция им. Л.А. Вербицкой. Сборник тезисов*, Санкт-Петербург: СПбГУ, с. 1294–1295 / Hmelevskij M.S., Kuznecova I.V. (2023), *Aktual'nost' balto-slavânskih leksiko-frazeologičeskijh paralelej dlâ slavistiki*, [v:] V.P. Kazakov (red.), *LI Meždunarodnaâ filologičeskââ konferenciâ im. L.A. Verbickoj. Sborniktezisov*, Sankt-Peterburg: SPBGU, s. 1294–1295.

Шведова Н.В. (2009), *Словарь фразеологизмов с компонентом «черт»*, Казань: Курганский государственный университет / Švedova N.V. (2009), *Slovar' frazeologizmov s komponentom «čert»*, Kazan': Kurganskij gosudarstvennyj universitet.

Burns E.W. (2003), *Witch Hunts in Europe and America: An Encyclopedia*, Westport: Greenwood Publishing Group.

Drīzule R. (1988), *Dieva un Velna mitoloģiskie personificējumi latviešu folklorē*, Rīga: Pasaules skatījuma poētiskā atveide folklorē.

- Klimas A. (1995), *Balto-Slavic or Baltic and Slavic*, «Lituanus», vol. 41. № 2, s. 5–37.
- Lava A., Veinberga S., Ezeriņa A. (2000), *Latviešu frazeoloģijas vārdnīca*, Rīga: Avots.
- Machek V. (1957), *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha: Academia knihy.
- Paulauskas J. (2001), *Frazeologijos žodynas*, Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.

